

ЕВГЕНИЙ ФЕОКТИСТОВ

↙   ↘

Пастораль

Стучит по глине посох пастуха.
В капелле слуха звонкие пустоты.
Заполнить их? Но чем? Покрой стиха
Нелеп и неуклюж. В постели мха
Маэстро, лежа, разбирает ноты.

Поэму гамм скрипичного ключа
Читай с листа, не поддаваясь лести.
Чтобы не сбиться с ритма сгоряча,
У изголовья сна стоит свеча,
И метроном дежурит с нею вместе.

Маэстро спит. Он предал тишине
Сенат сонат, чьему безмерно рады
Овец послушных пыльные отряды.
Они в собранье строк вошли извне,
И отременно стоя в стороне,
На спящих муз глядят из-за ограды.

! ! !

День мира

Лизала сахар пьяная лоза.
Лежала роза в логове уюта,
На ложе сна из бархатного мха,
Без лести ~~мхи~~ лжи, прекрасна и тиха,
Пока, стесняясь, наступало утро.

Цветет роса на лезвии листа.
Радений радуг не унять озnobу.
Блаженствуй, секта ревного хлыста,
Кружись быстрее, приближаясь к богу!

Русалка-верба, милая сестра,
Вернись домой, сородичей обрадуй!
Восходит к небу стройный дым костра,
Растет, ревзясь, и тает за оградой.

Из тины тайи, тоскующих в тени,
Несется песнь: там царствует цикада.
Цветут ступени в сад. Хотят они
Свести с ума, не выводя из сада.

Почин пчеды: вонзиться в глубину
Цветка зари, чтоб спрятаться от взора
За лепестки лучей. Ползет по дну
Реки времен коварных козней свора.

За ними вслед, боясь, крадется тьма
И запирает выходы и входы
Ключом воды, ведущей нас туда,
Где веет ветер сыростью всегда,
Смиряя жар и увлажняя всходы.

Вертесь волчком, не ведая стыда,
Хлыстовка-девка блещет, как слюда,
В лучах зари, когда спешит сюда,
На зов любви, минуя огороды
Соседей стада. В оргиях орды,
Гордясь, народы строятся в ряды
И губят время. Так промчатся годы,
Мелькая мимо. Это не беда.
Но сладкий мед горчит, как лебеда,
Когда в избытке сладость, и когда
Безбрежно море мира и свободы.

Ершится календарь, а ты опять
Ленивых дней перебираешь пряди.
Ей-богу, лумше, будущего ради,
Не лжи иллюзий время уделять,
А метить в явь, то спереди, то сзади.

Иллюзия— мишень для идиота,
Глазного дна подпольная работа,
Незрячей памяти незрелый плод.
Арканом слуха ловит идиот
То гам, то шум, то музыку, и пьет
Озон и сон. Ослепнув от видений,
Вплетает в вязь их дурень-звездочет
Астральный свет и думает: я гений.

Взволнованный, о славе бредит, но
Светает в мире. Видит он в окно:
Его мирок— иллюзия тумана.
Мелькают блики, облики с экрана
Голубизны. Наивный телеглаз,
Доверчив сам, ввел в заблужденье нас
Арабской вязью хмеля и дурмана.

Видений мастер ведает вполне
Соцветьем снов, созвучьем слов, союзом
Единств и множеств, позволяя музам
Мороочить нас и в жизни и во сне.

Боязнь деревьев перед листопадом,
Органных труб одышиливая речь
Гораздо громче выразят, чем надо,
Абсурдность бреда, но сознанье ради
Мечтаний бремя сбросить наземь с плеч.

Уходят сны по улице туманной.
Грохочет время. В библии карманной
Орат~~ур~~ствует бешеный ~~жутк~~ пророк.
Дымится юг. Тревожится восток.
Немой творец поэмы безымянной—
Апостол-мим. А правда— между строк.

Знак зодиака- звездное клеймо,
Зенитки залп, зарубки зев, закладка,
Заставка в книге. Зренье же само -
Затворник взгляда, зоркости загадка.

Затенена застенчивость зрачка
Застенными задвижками запора,
Затаена. Зато совсем близка
Златому залу загляденья взора.

Заворожен, застынь. Затверженности зуд
Зубри, забавней зебры в зоосаде.
Зоила зелье залито в сосуд.
Застрельщик смут заранее в засаде.

Зову зегзиц: желаю знать, когда
Здесь путь закончу свой. Забит, как свая,
Зароюсь в грунт. Зальет меня вода,
Закаплет воск. Замру, засну, зевая.

Задушен зуммер. Замолчит зурна.
Загружен воз. Запруженная речка
Заочно в заумь строк запряжена.
Задорным звуком звякает уздечка.

Заноет зуб, затылок затрешит.
Заговорит задор, зарапортует,
Зайдет в зеркальность, завернет за щит.
Затих норд-вест, но завтра зуйд задует.

Затопит зелень, засвистит, забьет,
Затормошил, задуматься заставит,
Зиянья дыр заделает, заткнет,
Замнет стихи, затюкает, затравит..

Закон, завет, запрет: злясь на судьбу,
Зачем роптать? Заочностью плененный,
Зажмурь глаза, и закусив губу,
Забудь на миг весь морок заоконный.

Как в некоем просторе в час луны
Мерцает жизнь вне выводов и плана,
Вот так и в сон вплывает из тумана
Фрегат без парусов, без капитана,
Помимо воли, пленник пелены.

Где странствует строитель корабля?
Не отвечает вестница-простуда.
Плывет он в никуда из ниоткуда,
Не торопясь до времени, покуда
Над горизонтом не взойдет земля.

Водитель-век, не верится, что встарь
Столь строен был и столь не ведал страха
Лес длинных мачт, когда лихая пряжа
Терзала нить, внимая фугам Баха,
А сын помора теребил букварь.

Скажи, Колумб, какому кораблю
Досталась честь жить в летописях чуда?
Не отвечает хмурая простуда.
Меня целует лунный луч-Иуда.
Что делать мне? Я время тороплю.

Летучий брат голландского пера,
Не ты ли замаячил в отдаленьи?
Куда плывешь? Куда зовешь? В паренъи
Крылатых парусин, в стихотвореньи
Плыешь и таешь. Да и мне пора.

Вдоль волнолома, в лунные моря,
Вдоль странных стран, вдоль сонного пейзажа...
Погасших звезд сиреневая сажа
Порхает в небе. Над песками пляжа
Струится парок медленная пряжа.
Не обрывайся, ниточка моя!

Не прерывайся, длинный свиток сна!
Плыви, мой чёрн, качаясь от волненъя,
В сугробах пенных волн, по воле сновиденья,
Рождая мерный ритм стихотворенья,
Русалок света выманив со дна,
Нока сирены, пьяные от пенья,
Перстами волн касаются челна.

И

х   х
х

Итак, Итака. Ода Одиссею.

Итог всех странствий- странность или страх?

Истолковать я толком не сумею.

Исчерпан путь, застрял на островах.

Исчиркан лист. Довольно с нас помарок.

Издерган мозг. Тетрадь испещрена.

Иронией эринний, муз и парок

Исполосован плащ, исхлестана спина.

Истомлена душа. Увяли мысли.

Исторгнут крик. Умолкли голоса.

Истерзанные бурями, повисли

Изодранные в ключья паруса.

Интриг творец, Улисс, усталый странник

Истосковался по родной стране.

Издалека вникая в тайну ткани,

Измерил путь до лука на стене.

Искристукана- жертвоприношенье.

Испуг жены, ста женихов испуг,

Истерика и поношенье

Итакских граждан. А виновен лук,

Иссохший от безделья, Илона

Изменных стен отверженец, изгой.

Изгнаник битв, сто повторений стона

Излечат ли тебя? Но сладок бой.

Ив изумленных шумная орава.

Искромсан берег челюстями волн.

Иллюзий раб, ты не имеешь права

Исчезнуть вновь. Твой продырявлен чёлн.

Изринуть вон посмеет ли Итака

Измученного бойнями царя,

Известий нет. И я не верю вражам.

Их- легион. Но что внимать им зря?

Игрок в загадки, игреков искатель,

Идей ловец, исповедален сын,

Иди-ка прочь! И ты ступай, читатель!

Избавь от слов. Хочу побыть один.

Стучится в дверь Сего́дня. Открывай!
Ежесекундная серьезность мирозданья
Ранима взглядом, голосом, касаньем,
Гонима смехом, удирает в рай.
Ее не остановишь. Улыбайся,
Юлой крутись, в волчок преображайся.

Катись ко всем... знакомым и родным,
Архангелам, приятелям хмельным,
Танцующим на скользком острие
Иронии, над пропастью, над краем
Надежд. И черт, чей взгляд необитаем,
Усмешкой подтверждает бытие
Пустотных сфер, сверкающих бесцельно
Округлостями форм, броней нательной,
Серебряными льдами полюсов,
Воскресным блеском стекол, блеском слов.
Я не тебя виню: ты не таков,
Щелчок мой метил не в твое межбровье.
Артачится бессмыслицы бескровье.
Продство рифм я залер на засов.

Давай, забудем бреда говорок.
Российской прозы понял я упрек.
Урок мне впрок пойдет. Мне вновь приятен
Железный век. Лишь горстку светлых пятен
Ему оставил век златой в наследство.
Суровых истин страшное соседство
Коснулось нас. Но брошено зато
Иллюзии пустое решето.

Висит мой размалеванный портрет,
Афишное подобье прототипа,
Случайная сумятица примет,
И глухнет пол от собственного скрипа,
Листая беспокойные шаги
Иронии. Мы с вымыслом- враги.
Днец, твой лик- заведомая липа.

Была причина верить и любить,
Еще не зная, что переиначит
Рука рябой судьбы, что, время, значит
Ткать жизни полотно, вплетая нить,
Едва заметную, чужого произвола.
Льняных забот запутана стезя.
Сойти с пути, чтоб спрятаться, нельзя.
Учитель строг. Сродни острогу школа.

Пришла пора проверить и ~~можихъ~~ принять
Осеннюю гармонию обмана.
Сухие крошки в закромах кармана
Веселых птиц приманят ли опять?
Яснеет сад, пустеют небеса.
Щелчком расколот лед на бледной луже.
Антракт в произрастаньи. Ода стуже
Шпит перед зимой, пророчит чудеса.
Держись, не падай!- скользкая стезя.
Рябит в глазах. Сквозь перхоть снегопада
Увидишь дом: чугунная ограда.
Живет здесь мой двойник, живу здесь я.
Ей-богу, рад нежданному визиту.
Стучать не надо: дверь не заперта.
Какая грусть горчит в изгибах рта?
Исторгни звук, сыграй свою сюиту!

Висок твой бешеный так бьется в переплет
Испепеленной лжи, что затрещит вот-вот
Крутопоклонный лоб с провалами глазниц,
Тоскуя над листвой разодранных страниц.
О чем ты?— Ни о чем.— Над линиями строк
Растерянный твой взгляд, рассеянный кивок.

Когда на зеркала накинет полотно
Рука твоей судьбы, на скатерти вино
Итоговым пятном изобразит любовь,
Вопросом затяжным приподнимая бровь.
У тёмных позолот осеннего стекла,
Листая календарь последнего тепла,
Изнанку миража увидит зоркий глаз:
На листьях сентября всех сплетен пересказ.

Х

Х

Х

✓

Орда снежинок- на листву листвы,
Летящей вниз, линяющей убого
На скомканных окраинах Москвы,
Кривых чуть-чуть, хромающих немного.

Отцвел пожар. Сентябрьскую золу
Топтал октябрь копытами ненастя,
Пока иконный бог дремал в углу,
Над паутинным знаменем бывластя.

Клонило в сон, и хмурый сонм вождей-
Синклит безверья в безрукавках фона
Под проливную музыку дождей
Дремал в сетях газет, не слыша звона
Разбитых дней. Осыпалась резьба
Слепых икон, сухая позолота.

Погас фонарь. С продрогшего столба
Был сорван провод. Мучила икота
Орава луж, подернутых ледком,
Но рам двойных уютное соседство
Прохожему напомнила о том,
Как время шло, как проходило ~~иети~~ детство.

†

Стрижи неосторожные стригут
Сыре небо ножницами крыльев.
Сойдя с небес, старухи стерегут
Свое белье, соседствуя на стульях
С подругами по судьбам и стезям,
Сиреневые, серые, седые,
Сутулые, вдоль стен и здесь, и там,
Сидят всем скопом, скорбные, худые,
Слегка святые, грешные весьма,-
Сегодня время подвести итоги,-
Сверяют с сутью суэтность ума,
Смешные, суматошливы, убоги,
Сухи, как палки, суковаты, плоски,
Сварливы, кажется, но, вроде бы, добры,
Соображают на троих, прохвостки,
Стучат костями, просятся в гробы.

Строка вошла в опровержение срока
Смертельной даты, врезалась углом.
Строчила сверху сплетница-сорока,
Судачила с подругами о том.

Сперва вполголоса, потом- вполслуха.
Сентябрь, стряхнув, сводил на нет слова.
Стояла осень- славная старуха,
Сродни другим: трясется голова.

Сияла стужа- снежная сестра,
Свежа, сурова, светлолица,
Считала дни, считала, что пора
Смотреть вдогонку перелетным птицам.

Сорила снег, пока, намека ради,
Сравнять стремясь неровности земли.
Седых волос перебирая пряди,
Слух напрягla: кричали журавли.

Сначала тихо, а потом- все громче,
Стремясь на юг, вонзаясь в облака
Скрипящим клином крыл, по самой кромке
Соленых слез, качаемы слегка.

х   х
                      х

Пристанище примет- в саду, в сентябрьской тьме.

Шевелится листва, мерещится тебе

То дерево, то куст, то шорох невзначай.

Ворочается дождь и льется через край.

Шарахается прочь разбуженный птенец.

Должно быть, снова спать не дал ему стервец-

Крылатый серафим ненастного пера.

И саду вместе с ним не спится до утра.

Куда в кромешной тьме доверчиво бреду

В ныряющем на дно затопленном саду,

Позволь мне утаить и не ходи **за** мной,

Вонзаясь в тишину отравленной струной.

Ограда за спиной- отрада глаз моих.

Отряды фонарей- бессонных часовых,

За нею строясь в ряд, покой мой стерегут,

Пока архив листвы я разбираю тут.

Отчеты, письмена, клочки, бумажный хлам,

Ответы на запрос тревожных телеграмм,

Признаний календарь, всех исповедей свод...

Засыпав снегом сад, зима их в сейф запрет.

Она сведет на нет под спудом сугробным

Всю гамму перемен, отпущенную им.

х

х

х

Из прядей снега пряли белизну
 Ночных ненастий медленные руки,
 Кляня судьбы каприз, клонясь ко сну,
 Кренясь над ним и заглушая звуки
 Дыханий, вздохов, шорохов, гудков
 Творцов разлук у дальней водокачки.
 Ловила ночь арканами зрачков
 Бессонных окон светлые подачки.

Мерцал фонарь внутри прозрачной тьмы,
 В единоборстве с кознями, чьи тени
 Пасли безмолвных пасынков зимы
 В сугробах сна, что встали на колени
 Перед мадонной стужи ледяной,
 Среди немых домов, казенных зданий.
 Будильник века тикал за стеной
 Собора сна и в залах ожиданий,
 В конурах злобы, в камерах добра,
 Внутри Москвы, снаружи Ленинграда
 И в дебрях дальних чащ, куда с утра
 Уходит автор снов и снегопада.

+

Полотнище из ветра и воды—
Услада улиц, всплески серафима
Двумя крылами из шести, помимо
Очей пернатых в заревах беды,
В огнях пожарищ, в вихрях, в залпах грома.

Коленопреклоненный сын Содома
Искупит ли вину сограждан? Гнома
Напоминает, странен и горбат.
А Лотова жена отводит взгляд.

Летят и льнут к ней пепел и зола,
Едва настигнув на стезе ухода.
Над соляным столпом добра и зла
Ад темноты, глухая непогода.

Постой, не уходи, застынь, как столп,
Светясь во тьме несуетно и свято.
Анахорет, аскет, изгнаник толп,
Лот, твой супруг, торопится куда-то.
Мнит, что спасен, безгрешен, грамотей.
О, простота, священная, святая!
Посланник бога, почтальон вестей
Его надул, совсем не то читая.
Вручил письмо на странном языке
Иносказаний, аллегорий, свода
Цитат из книг, хранимых в тайнике
Архивов наших- в памяти народа.

